

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-12-1.5>

Вартанян Ханума Сергеевна

**ФАКТОРЫ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ИНТЕГРИРОВАНИЯ ГОРСКИХ СООБЩЕСТВ
ЦЕНТРАЛЬНОГО И СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА В РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННО-
ПРАВОВОЕ ПОЛЕ В XVIII ВЕКЕ**

В статье обосновывается, что в ходе процесса российско-горского взаимодействия в XVIII в. факторами и обстоятельствами интегрирования горских сообществ в российское государственно-правовое поле являлись продолжение внешнеполитической борьбы за Кавказ, нестабильная региональная этнополитическая ситуация, различный "стадиальный" уровень субъектов российско-горских взаимоотношений. В данных условиях перспективы интегрирования народов региона в состав России оказались сопряжены с многочисленными и долговременными сложностями и проблемами.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2018/12-1/5.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2018. № 12(98). Ч. 1. С. 29-33. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2018/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

27. Обыденнова Г. Т., Иванов В. А., Щербаков Н. Б., Шутелева И. А., Кортунов А. И. Применение методов этноархеологии поселений на примере исследования «живых» населенных пунктов Башкирского Приуралья в научно-исследовательском проекте «Башкирский аул XVI-XIX веков в историко-археологическом исследовании» // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования: сб. научных трудов. Иркутск: Изд-во ИргТУ, 2007. С. 427-431.
28. Обыденнова Г. Т., Овсянников В. В., Бубнель Е. В., Проценко А. С., Бабин И. М. История археологического изучения крепостных сооружений Башкирского Приуралья // Поволжская археология. 2016. № 4 (18). С. 278-295.
29. Рязанов С. В. Металлургия железа на Южном Урале в XIII-XIV вв. Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2011. 125 с.
30. Савельев Н. С. Изучение селища Шемяк-2 в Уфимском районе Башкортостана в 2012-2013 гг. // Известия Археологического общества Республики Башкортостан. 2014. № 1 (1). С. 8-9.
31. Савельев Н. С. Свод археологических памятников Республики Башкортостан, выявленных в 1987-2007 гг. Уфа: Наука, 2008. 280 с.
32. Савельев Н. С., Котов В. Г., Овсянников В. В., Румянцев М. М., Русланов Е. В., Ахметова Е. А. Древности Башкирского Урала: коллективная монография / сост. и науч. ред. Н. С. Савельев. Уфа: Информреклама, 2018. 216 с.
33. Сатаев Р. М. Остатки животных из раскопок памятников Табынск-1 и Шемяк-2 (Башкирское Приуралье) // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание): материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2016. С. 391-393.
34. Стуколкина Е. Е. Бусы Ибрагимовского аула как пример изучения повседневности в археологии // Изучение повседневности в отечественной и зарубежной исторической науке: материалы V межрегиональной студенческой научной конференции. Уфа: Изд-во БГПУ, 2007. С. 112-114.
35. Стуколкина Е. Е. Типология бус с раскопок Ибрагимовского аула // Материалы XXXIX Урало-Поволжской археологической студенческой конференции (г. Пермь, 31 января – 4 февраля 2007 г.). Пермь: Пермский государственный педагогический университет, 2007. С. 251-254.
36. Яминов А. Ф., Савельев Н. С., Псянчин А. В. Баишевский микрорайон: итоги и перспективы этноархеологических исследований в Башкирском Зауралье // Интеграция археологических и этнографических исследований: материалы V всероссийского научного материала, посвященного 155-летию со дня рождения Н. М. Ядринцева. Омск – Уфа: Издание Омского ун-та и Омского филиала Объед. ин-та истории, филологии и философии СО РАН, 1997. С. 182-185.

RECENT ARCHEOLOGICAL STUDIES OF THE BASHKIR LATE MIDDLE AGE AND MODERN AGE SETTLEMENT COMPLEXES

Akhatov Al'bert Tagirovich, Ph. D. in History

R. G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies of Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
bertik@mail.ru

The article describes the history of the archeological studies of the Bashkir late Middle Age and Modern Age settlement complexes from the 1990s till nowadays. In the mentioned period, within the territory of Bashkortostan dozens of seasonal and stationary Bashkir settlements were identified and examined by archeological methods. The findings indicate the reasonability of the further research on the basis of the comprehensive ethno-archeological approach. The author argues for the necessity to introduce previously acquired archeological materials into scientific use.

Key words and phrases: late Middle Age and Modern Age archeology; the Bashkirs; Bashkir aul; seasonal summer settlement; history of studying.

УДК 94(470.62/67)

Дата поступления рукописи: 05.09.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-12-1.5>

В статье обосновывается, что в ходе процесса российско-горского взаимодействия в XVIII в. факторами и обстоятельствами интегрирования горских сообществ в российское государственно-правовое поле являлись продолжение внешнеполитической борьбы за Кавказ, нестабильная региональная этнополитическая ситуация, различный «стадиальный» уровень субъектов российско-горских взаимоотношений. В данных условиях перспективы интегрирования народов региона в состав России оказались сопряжены с многочисленными и долговременными сложностями и проблемами.

Ключевые слова и фразы: российско-горское взаимодействие; османо-российские войны; горский традиционный уклад; подданнические присяги; завершение процесса исламизации; набеговая экспансия.

Вартанян Ханума Сергеевна

Армавирский государственный педагогический университет
vartanayn1994@mail.ru

ФАКТОРЫ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ИНТЕГРИРОВАНИЯ ГОРСКИХ СООБЩЕСТВ ЦЕНТРАЛЬНОГО И СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА В РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ ПОЛЕ В XVIII ВЕКЕ

В настоящее время оценки характера и особенностей российско-горского взаимодействия остаются достаточно дискуссионными в кавказоведческой историографии. В полной мере это относится и к динамике его развития в XVIII в., связанной как с внешнеполитическим фактором продолжавшегося противоборства

за Кавказ между Россией, Турцией и Ираном, так и с рядом региональных факторов и обстоятельств, что и определяет актуальность нашего исследования. В указанном широком контексте целью данной статьи является анализ специфики процесса интегрирования горских этносоциальных сообществ Центрального и Северо-Восточного Кавказа в состав России в XVIII в. В качестве непосредственных задач работы можно выделить исследование внешнеполитического фактора в российско-горском взаимодействии и анализ влияния особенностей горского традиционного социокультурного уклада и соответствующего мировосприятия на возможности, перспективы и проблемы интегрирования горских сообществ в состав России.

Историография исследования проблем российско-северокавказских взаимоотношений чрезвычайно обширна как в досоветский и советский периоды развития отечественной исторической науки, так и на современном ее этапе. В этой связи, как представляется, в рамках данного исследования имеет смысл остановиться на работах, наиболее близко соотносящихся с ее непосредственной проблематикой. Среди работ представителей дворянской кавказоведческой историографии следует выделить труды П. Г. Буткова [2] и Н. Ф. Дубровина [7], в которых собран богатый, основанный на документах, фактический материал по российско-горским взаимоотношениям в XVIII в. Своеобразным итогом осмысления советской исторической наукой характера и особенностей деятельности России на Северном Кавказе в XVIII в. и связанных с ней событий в российско-горском взаимодействии явилась обобщающая коллективная монография «История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.» [9]. Из современных исследователей-кавказоведов непосредственно занимается проблематикой интегрирования горских сообществ в состав России в конце XVIII – начале XIX в. Б. В. Виноградов (в некоторых работах – в соавторстве с Ю. В. Приймаком) [3; 5]. Важные для анализа специфики российско-северокавказских взаимоотношений сведения о социально-политическом строе горских средневековых сообществ присутствуют в монографии Ф. Х. Гутнова «Горский феодализм» [6]. Несомненно, что целый ряд аспектов российско-горского взаимодействия в XVIII в. (впрочем, как и в предшествующее и последующее время) нуждается в дальнейшем исследовании.

В данном контексте научная новизна предлагаемой статьи заключается в углубленном анализе взаимосвязи внешнеполитических и специфических региональных факторов в процессе интегрирования горских сообществ Центрального и Северо-Восточного Кавказа в российское государственно-правовое поле на протяжении XVIII в. с выделением типических черт мировосприятия горцев.

В исторической науке считается, что XVIII век был отмечен усилением активности России на Северном Кавказе. Здесь вспоминаются многие сюжеты: и овладение Азовом (оказавшееся, правда, временным, до 1711 г.), и знаменитый Каспийский поход Петра Великого (1722-1723 гг.), и победные войны с Турцией в екатерининское царствование, наконец, присоединение к России большей части Крымского ханства в результате его раздела и ликвидации в 1783 г. Однако кажущаяся череда сплошных свершений осложнялась многими факторами и обстоятельствами как внешнеполитического, так и регионального свойства. Так, общеизвестно, что Османская империя, не имея более возможности к продолжению экспансии в Европе, стремилась компенсировать это активизацией на Кавказе, в свою очередь, Россия, втянувшись в затяжную Северную войну со Швецией, была далеко не всегда в состоянии отстаивать свои интересы на Северном Кавказе. Вообще XVIII век был отмечен сложнейшей внешнеполитической динамикой в рамках борьбы за Кавказ между Османской империей, Ираном и Россией, при условии неоднократного вовлечения в данный процесс европейской дипломатии. Так, довольно двусмысленные для русской стороны итоги османо-российской войны 1735-1739 гг. были в значительной мере обусловлены стараниями европейских «друзей и партнеров», не заинтересованных в усилении России нигде и готовых при случае поддержать против нее кого угодно.

Сложный внешнеполитический контекст борьбы за Кавказ между Османской империей, проводником политики которой являлось «вассальное» ей Крымское ханство, Россией и Ираном, периодически «выпадавшим» из этой борьбы в силу затяжных усобиц за власть, обуславливал весьма непростые, а местами и неясные, перспективы для интегрирования народов Центрального и Северо-Восточного Кавказа в российское государственно-правовое поле. Следует обратить внимание – ни Османская империя вкупе с Крымским ханством, ни Иран (за исключением временного признания итогов петровского Каспийского похода) не соглашались с российским подданством народов региона. Например, та же Кабарда фактически находилась в качестве объекта оспаривания между Россией и османско-крымской стороной еще с XVII века. Ничуть не проще была ситуация и в Дагестане, где за политическое преобладание боролись и Россия, и Османская империя, и Иран.

Принципиально важным представляется отметить, что «владельцы» (с долей терминологической условности – раннефеодалы) региона использовали процедуру принятия российского, османского или иранского подданства во имя обеспечения собственных интересов и, собственно, безопасности, зачастую в силу конкретных обстоятельств. В условиях хронической военно-политической нестабильности на Северном Кавказе, регулярных усобиц между владельцами, так называемыми «вольными обществами» (союзами сельских общин), взаимных набегов, подобных конкретных обстоятельств оказывалось достаточно. Фактически имела место и практика двойного, или даже тройного, «подданства» в адрес всех соискателей доминирования в регионе [3, с. 124].

Здесь необходимо отметить и то, что подданство горских народов в адрес России значительно отличалось от того «подданнического стандарта», который существовал в российской феодально-абсолютистской империи, как, впрочем, и до ее образования – в централизованном государстве «доабсолютистского времени». В XVIII в. оно не предусматривало собственно российское управление «горскими подданными», хотя бы уже потому, что соответствующие «управленческие конструкции» совершенно не годились в контексте местных социокультурных реалий. Обращает на себя внимание и то, что если для российской стороны ряд действий или бездействий воспринимался отрицательно, то со стороны горской – зачастую напротив. И наоборот. Так, набеги, традиция гостеприимства, делавшая нередко невозможным поиск участников набеговых «предприятий», и многое

другое из горского уклада оценивались российскими властями негативно. Горцы же считали все это неотъемлемыми, законными (в понимании местного обычного права) и престижными проявлениями своей жизни. И попытки ограничения подобных проявлений воспринимали в качестве посягательства на свои права, не сопоставляя их при этом с обязанностями, принимаемыми согласно подданническим присягам. Напротив, неоднократно предлагаемые российской стороной такие приоритетные занятия, как земледелие (при условии его наличия у горцев), мирная торговля, воспринимались горцами зачастую в качестве недостаточно социально престижных. Здесь следует заметить, что довольно проблематичное в конкретных региональных природно-географических условиях земледелие не могло, видимо, обеспечить ни «прибавочного продукта», ни соответствующих «социальных лифтов». Мирная же торговля (в отличие от связанной с набегами работорговли) традиционно считалась горцами презируемым занятием, недостойным мужчины. Зато вполне достойным настоящего мужчины занятием считалось ограбить торговца. В данной связи мирная торговля на Северном Кавказе (а занимались ей преимущественно армяне) была сопряжена с немалым риском.

Российская сторона в рамках имевшей место динамики ситуации в регионе стремилась «умиротворить» своих беспокойных горских подданных. Однако последние жили в своем собственном, отличном от российских представлений «мире». С их точки зрения он был единственно верным и полностью самодостаточным. И уже в данном контексте «ограничительные конструкции» подданнических присяг оценивались горцами сквозь призму своего видения «мироустройства». Следует понимать и то, что горцы, жившие во многом географически изолированно, не имели сколь-нибудь внятных и сообразных знаний о России. Известную долю исключения здесь могут составить кабардинцы, бывавшие в Москве еще в XVI-XVII вв. Да и то, соответствующая информация не могла быть стабильно воспроизводимой в поколениях. Напрашивается утверждение, что российская сторона все же знала о «горском мире» больше, чем в обратном порядке, т.е. горцы о «русском мире». Кстати, вооруженные усобицы и прочие проявления специфической местной конфликтности вполне входили в горское понимание нормального состояния жизни, чего не скажешь об «ограничительных» условиях присяг, принимаемых в адрес России.

Кроме прочего, довольно устойчиво складывалась ситуация: если кто-то из местных владетелей в условиях усобицы принимал российское подданство, то другая сторона конфликта искала подданства турецкого или иранского. А если здесь учесть и то, что среди горских народов, кроме пророссийской, всегда присутствовали протурецкая и, отчасти, проиранская «партии», условия для деятельности местной русской военной администрации складывались более чем специфические. Преобладание и социальная престижность маскулинных ценностей делали весьма проблематичными перспективы российского посредничества в урегулировании конфликтных ситуаций. Тем более что восточные державы, противоборствовавшие с Россией за Кавказ, были не заинтересованы в успехе «медиации» российских властей. Здесь же можно вспомнить, что российские попытки «замирить» противоборствующие группировки в той же Кабарде в начале 20-х гг. XVIII века окончились неудачно [8, с. 123-124], что представляется нам довольно закономерным в условиях освященности кровной мести, согласно адатам.

Приведенное видение ряда аспектов российско-горского взаимодействия представляется значимым применительно к перспективам анализа фактической его составляющей.

Важным фактором развития местной обстановки видится и происходивший процесс завершения исламизации у адыгов (в первую очередь у кабардинцев), что объективно делало крымско-турецкую сторону «религиозно притягательной» и сопровождалось и династическими браками между адыгской знатью и крымскими Гиреями, и широким распространением обычая аталычества. Все это стимулировало соответствующую политическую ориентацию части адыгской знати [5, с. 51-52].

Известно, что по условиям Карловицкого перемирия 1698 г. Крымское ханство лишилось возможности осуществлять грабительские нападения в южнороссийские пределы и в границы Речи Посполитой, и образовавшаяся «недостача» стали компенсировать нападениями на те области Северо-Западного и Центрального Кавказа, которые Гирей считали себе подвластными [11, с. 54-56]. В первой трети XVIII века это обстоятельство объективно способствовало усилению российской ориентации тех же кабардинцев в поисках защиты от творимого крымцами произвола. Однако по условиям Белградского мирного трактата с Османской империей (1739 г.) объявленная «нейтральной» Кабарда была избавлена от дальнейшей перспективы крымско-турецких вторжений [9, с. 433]. Это, в свою очередь, предопределило на ближайшую перспективу значительное уменьшение реальной потребности кабардинской знати в российской помощи, опеке и самом военно-политическом присутствии в регионе, правда, при сохранении претензий на получение жалования, как во времена пребывания в российском подданстве [1, д. 7, л. 19]. Избавленная усилиями России от традиционных и нелегких внешних вызовов и угроз кабардинская знать получила возможность сосредоточиться на закреплении собственного доминирования над другими народами Центрального Кавказа. Весьма скоро это вступит в противоречие с российскими интересами в регионе, в том числе в части противодействия работе Осетинской духовной комиссии [12, с. 136].

Позиции Белградского трактата 1739 г. при условии «нейтральности» Кабарды (думается, что не выдерживают критики современные историографические попытки трактовать это в качестве признания кабардинского независимого государства [8, с. 132]) не позволяли российской стороне принимать в свое подданство те народы, которые кабардинские князья считали своими данниками. Между тем неоднократные подобные просьбы со стороны осетин, стесняемых кабардинцами в горных ущельях, в совокупности с началом осуществления их христианизации начали дополнительно осложнять перспективы взаимоотношений российской стороны и кабардинских социальных верхов.

Начало возведения в 1763 г. крепости Моздок на левом берегу Терека привело к явному и затяжному конфликту кабардинской знати и российских властей, что долговременно отразилось на общей обстановке

в регионе. В возникший конфликт оказались вовлечены и Османская империя – на предмет соблюдения Россией условий Белградского договора, не разрешавшего договаривающимся сторонам строить крепости в Кабарде, – и косвенно Крымское ханство, под власть которого недовольные кабардинцы были готовы отдаться, в случае, если Россия не сроет крепость. В ходе затяжных дипломатических разбирательств с османской стороной российские дипломаты настаивали на том, что крепость была возведена не на кабардинских землях, и это соответствовало существовавшим тогда территориальным разграничениям [10, с. 16-17, 74-75].

Однозначно победная для России война с Османской империей 1768-1774 гг., знаменовавшая, кроме прочего, «нейтрализацию» Крымского ханства и российский суверенитет над Кабардой (полный, правда, неоднозначных и противоречивых трактовок [4]), усилив позиции России в регионе, обозначила, как это ни парадоксально, новые проблемы для российской же стороны. Кабардинская знать фактически не признавала своего российского подданства или давала ему трактовки, неприемлемые для русских властей. Принятие российского подданства ингушами и осетинами также практически не признавалось кабардинскими князьями. Претенциозное недовольство строительством крепости Моздок перерастает в затяжную, нередко вооруженную «фронду» кабардинской знати по отношению к российским властям и российским стратегическим мероприятиям в регионе [3, с. 36-40, 105-113].

Раздел в 1783 г. Крымского ханства, зоны хронической политической нестабильности в условиях противоборства протурецких и пророссийских группировок, овладение Россией собственно Крымским полуостровом и кубанским правобережьем обозначили решающее усиление Российской империи в противоборстве за Кавказ с Османской империей и Ираном. Однако этот же фактор изменил традиционно существовавшую систему этнополитических сдерживаний и противовесов, что оказалось на ближайшую перспективу чревато обострением обстановки, в том числе в контексте вызревания исламски окрашенного антироссийского движения в Чечне.

Вообще следует признать, что серьезным фактором осложнения перспектив интеграции горских сообществ Центрального и Северо-Восточного Кавказа в российское государственно-правовое поле являлась социально-политическая «разнородность» субъектов российско-горского взаимодействия. Несмотря на попытки российских властей учитывать местную специфику, феодально-абсолютистские устои Российской империи резко контрастировали с до- или полугосударственными порядками горских народов, чтивших, прежде всего, собственные традиции, в том числе в части набеговой экспансии на российские коммуникации и поселения в регионе. Естественно, подобные действия (равно как и нередкие случаи невыдачи аманатов) нарушали принимаемые в адрес России подданнические присяги и вызывали ответные силовые действия русских военных властей, которые, в свою очередь, были не в состоянии стабилизировать обстановку. Применительно к исследуемому периоду данная констатация вполне применима и к Кабарде, и к Чечне, и к Дагестану. Складывалась ситуация, когда «репрессалии» российской стороны, считаемые горцами незаконными, специфически обостряли взаимоотношения последних с российскими властями. Однако стоит заметить, что отсутствие «силовой» реакции на набеги логично привело бы к лавинообразному их росту, так как, согласно маскулинным представлениям, ценностям и образу действий горцев, это было бы воспринято в качестве проявления слабости, в самом широком контексте возможных последствий. Кроме прочего, «регионально окрашенные» раннефеодальные отношения с заметным, а в ряде случаев и преобладающим, сегментом патриархально-родового уклада не предусматривали наличия опыта государственного подчинения, да и особого стремления к его обретению в условиях традиционалистской самодостаточности горских сообществ и их немалой «иммунности» к преобразованиям извне.

Здесь, как представляется, необходимо понимать то, что «привязывание» горских социокультурных реалий соответствующего периода к понятийно-терминологическим смыслам феодализма в преобладающем объеме произошло в советской кавказоведческой историографии в силу ее следования марксистской формационной теории. Согласно объективно европоцентричной теории социально-экономических формаций, динамику социального бытия горских средневековых сообществ можно было типологизировать только с точки зрения зарождения и развития феодальных отношений, так как соотнесение его с «дофеодальными» формациями либо не рассматривалось в силу несопоставимости, либо было отвергнуто советским кавказоведением. Между тем развернувшаяся среди советских кавказоведов дискуссия о «горском феодализме» явилась незавершенной [6, с. 8-23], в том числе, как видится, и вследствие определенной исходной узости феодальной «смысловой доминанты» применительно к Северному Кавказу. Однако в «поздней» советской кавказоведческой историографии, в качестве обобщающих изданий проводилась мысль о нахождении горских средневековых сообществ на уровне феодальной раздробленности [9, с. 290-301], то есть в условиях сложившихся феодальных отношений, если отталкиваться от соответствующих примеров развития средневековой Западной Европы и Руси. Подобная весьма сомнительная «констатация» находит отражение и в ряде современных кавказоведческих изданий. Представляется, что данное завышение уровня социокультурного развития горцев не только не отражает имевшие место реалии, но и объективно затрудняет анализ специфики российско-горского взаимодействия в довольно широком хронологическом диапазоне.

Таким образом, приведенные внешнеполитические и региональные факторы и обстоятельства российско-горского взаимодействия в XVIII в. обуславливались и динамикой борьбы за Кавказ, и особенностями горского традиционного уклада, весьма непросто соотносимого со «стадиями» развития русского (затем – российского) и западноевропейского общества эпохи феодального Средневековья. Но их совокупность существенно затрудняла интегрирование региона в состав России, придавая данному процессу неоднозначный, затяжной, а местами и драматический характер, находящий противоречивое освещение в историографии и нуждающийся в дальнейшем осмыслении.

Список источников

1. **Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ)**. Ф. 115. Кабардинские дела. Оп. 1.
2. **Бутков П. Г.** Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год: в 3-х ч. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1869. Ч. 1. 621 с.
3. **Виноградов Б. В.** Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783-1816 гг. Славянск-на-Кубани: ИЦ СГПИ, 2005. 384 с.
4. **Виноградов Б. В., Приймак Ю. В.** К вопросу о принадлежности Кабарды в контексте «нейтрализации» Крымского ханства и общих итогов османо-русской войны 1768-1774 гг. // Российская государственность в судьбах народов Кавказа – IX: материалы региональной научно-практической конференции (г. Пятигорск, 24-25 ноября 2016 г.). Пятигорск: ПГУ, 2016. С. 46-49.
5. **Виноградов Б. В., Приймак Ю. В.** Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе в контексте фактора присоединения к России Крымского ханства (1772-1829 гг.). Армавир: АФГОУКИДПО, 2016. 186 с.
6. **Гутнов Ф. Х.** Горский феодализм: в 2-х ч. Владикавказ: Ир, 2007. Ч. 1. 319 с.
7. **Дубровин Н. Ф.** История войны и владычества русских на Кавказе: в 6-ти т. СПб.: Типография Департамента уделов, 1886. Т. 3. 325 с.
8. **История многовекового содружества. К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии с Россией.** Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2007. 720 с.
9. **История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.** М.: Наука, 1988. 544 с.
10. **Кавказский вектор российской политики:** сборник документов: в 2-х т. / сост. В. А. Волхонский, В. М. Муханов. М.: Объединенная редакция МВД России, 2012. Т. II. Кн. 1. 1762-1799 гг. 800 с.
11. **Приймак Ю. В.** Северо-Восточное Причерноморье во внутри- и внешнеполитических процессах формирования южных границ России (конец XVII – первая треть XIX в.). Армавир: Полипринт, 2011. 359 с.
12. **Северный Кавказ с древних времен до начала XX столетия:** историко-этнографические очерки / под ред. и с предисл. В. Б. Виноградова. Пятигорск: ПГЛУ, 2010. 318 с.

**FACTORS AND CONDITIONS FOR INTEGRATION OF THE CAUCASIAN COMMUNITIES
OF CENTRAL AND NORTH-EASTERN CAUCASUS INTO THE RUSSIAN STATE
AND LEGAL FIELD IN THE XVIII CENTURY**

Vartanyan Khanuma Sergeevna
Armavir State Pedagogical University
vartanayn1994@mail.ru

The article substantiates that during the process of the Russian-mountain interaction in the XVIII century the factors and circumstances of the integration of the mountain communities into the Russian state and legal field were the continuation of the foreign-policy struggle for the Caucasus, the unstable regional ethno-political situation, and different “stage” levels of the subjects of the Russian-mountain relationship. Under these conditions, the prospects of the Caucasian peoples’ integration into Russia turned out to be complicated and associated with many long-term problems and difficulties.

Key words and phrases: Russian-mountain interaction; Ottoman-Russian wars; mountain traditional lifestyle; oath of allegiance; completion of Islamization process; foray expansion.

УДК 93/94; 343.82(091)(571.12)

Дата поступления рукописи: 18.10.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-12-1.6>

На основе впервые вводимых в научный оборот архивных документов рассматриваются проблемы численности и состава заключенных Тобольского изолятора специального назначения (1924-1929 гг.). Методологической базой является теория модернизации общества. При работе с документами использовались общенаучные, исторические, источниковедческие методы. Автор пришел к выводу, что число заключенных на протяжении всего периода существования превышало нормы (400 чел.) в 1,5-2 раза и более, что совпадает с общероссийскими показателями. Переполненность тюрьмы оказала негативное влияние на материальное обеспечение надзора и заключенных, на организацию режима содержания и трудовой деятельности, бытовые условия.

Ключевые слова и фразы: тюрьма; изолятор специального назначения; политизолятор; динамика численности заключенных; состав заключенных; Тобольск.

Загороднюк Надежда Ивановна, к.и.н.

Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения Российской академии наук
niz1957@yandex.ru

**ЧИСЛЕННОСТЬ И СОСТАВ ЗАКЛЮЧЕННЫХ ТОБОЛЬСКОГО
ИЗОЛЯТОРА СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ (1924-1929)**

Работа поддержана программой УрО РАН «Социально-экономические и гуманитарные проблемы развития общества № 18-6-6-13».

Современные процессы совершенствования уголовно-исполнительной системы требуют тщательного анализа опыта прошлых лет, поэтому изучение особенностей советской пенитенциарной системы и отдельных